

СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Участники: С.Н. Корсаков © 2018, Ю.В. Пушаев © 2018,
Ю.В. Синеокая (ведущая) © 2018

DOI: 10.31857/S023620070000324-3

Ю.В. Синеокая (ведущая): Все мы понимаем, что изучение философии советского периода — дело очень непростое и очень ответственное. Это наше недавнее, во многом трагическое, прошлое, которое еще живо в памяти наших современников, это реальные судьбы старших коллег. Есть разные точки зрения на советскую эпоху, разные оценки действий людей, занимавшихся философией в это время. Тем важнее исследовать, анализировать, понимать не только их концепции и идеи, но и их судьбы, то, как распорядилось ими время. Без этого не понять, почему именно те или иные философские сюжеты были востребованы в эти годы, почему так, а не иначе сложилась интеллектуальная жизнь и повседневная история нашей страны.

Сегодня разговор поведут два “философских детектива” — у нас в гостях двое блестящих архивистов, известных историков отечественной философии советского периода. В частных беседах я не раз бывала поражена рассказами о тех переплетениях случайностей и закономерностей, с которыми сталкиваются в своей работе историки мысли, исследующие советский период, удивлялась тому, как порой судьба (или случай?) дарят им важнейшие находки. За каждой публикацией наших сегодняшних гостей стоит огромная научная и человеческая, психологическая работа: они изучают семейную историю, разыскивают и расспрашивают родственников, учеников, соратников и единомышленников героев своих исследований.

Я рада представить вам наших гостей — доктора философских наук Сергея Николаевича Корсакова, ведущего научного сотрудника Института философии РАН и кандидата философских наук Юрия Владимировича Пушаева, старшего научного сотрудника отдела философии ИНИОН.

С.Н. Корсаков: Когда мы обдумывали тему, сами понятия “советская философия” и “философия советского периода”

**АНАТОМИЯ
ФИЛОСОФИИ.
РЕПЛИКИ**

**Корсаков
Сергей**

Николаевич — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель группы истории философии советского и постсоветского периода Института философии РАН. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

**Пушаев
Юрий**

Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: putschaev@mail.ru

**Синеокая
Юлия**

Вадимовна — доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. E-mail: tvsineokaya@gmail.com

для нас сразу же проблематизировались. Понятно, что в самом выражении “советская философия” заключен идеологический подтекст. Но сам этот подтекст нередко оказывается двусмысленным, а иногда и прямо вводит в заблуждение. Философия подчинялась идеологии (или даже подменялась ею), а та превращалась в дубину. Но дело в том, что как раз тех, кто были искренне советскими, эта дубина часто была в первую очередь, а на поверхность выносило тех, кто “советскость” удачно имитировал. Так что не всякая философия советского периода была действительно советской, и здесь перед нами реальная проблема.

Вторая часть названия — “как предмет исследований” — это, казалось бы, вполне стандартная научная формулировка. Но я бы проблематизировал и ее. Дело в том, что атмосфера нашей науки и философии долгое время не способствовала тому, чтобы эта тематика вообще изучалась. Определенной смелости требует даже сама постановка вопроса: “советская философия как предмет исследования”. Ведь сегодня принято представлять, что, после того, как в 1922 году отплыл “философский пароход”, образовалась некое серое пятно. За ним уже не пытаются разглядеть ни людей, ни идеи, ни философскую борьбу, ни интересные теоретические ходы, которые потом могли возобновляться.

Вспомним, в какой обстановке в конце 80-х—начале 90-х годов формировалось научное направление “история русской философии”. Тогда люди, получившие в свое время ученые степени и звания за марксизм-ленинизм, вдруг разом выкинули его на помойку и создали “историю русской философии” как еще один идеологический конструкт, практически исключив из истории рационалистические направления — например, позитивизм и соответствующие фигуры. Что уж говорить о идеях и персонажах философии советской — в принципе не предполагалось, что она должна изучаться. И в результате сейчас этой тематикой занимаются в лучшем случае отдельные исследователи, и то не всем фронтом ее проблем, а лишь отдельными изолированными сюжетами: кто Бухариным, кто еще чем-то. Эти исследователи не объединены, нет научного сообщества в общепринятом смысле, которое бы этой тематикой занималось как единое сообщество. А значит, нет и никаких институциональных форм, которые позволяли бы целе направленно вести такие исследования: секторов в научно-исследовательских институтах, кафедр в вузах или специализаций в рамках кафедр. А без этого нет и систематического воспроизводства кадров с учебными программами, с регулярными защитами.

Такая ситуация, ненормальная с моей точки зрения, и подвигла меня постараться “вытащить” эту тематику. В декабре 2016 г. Ученый совет Института философии утвердил образовательные группы по изучению истории философии советского и постсоветского периода. Пока она находится только в стадии

Слева направо:
Ю.В. Пуцаев,
В. Киссель,
Ю.В. Синеокая,
С. Н. Корсаков

становления, но важно, что появляются формы, в рамках которых можно проводить систематические исследования.

Ю.В. Пуцаев: Я согласен с Сергеем: ситуация с изучением философии советского времени и вправду далека от нормальной. Я бы даже сказал, что здесь перед нами какой-то вызывающий парадокс. Несмотря на очевидную популярность сегодня темы “советского”, на бесконечные споры историков, социологов, публицистов о советской эпохе, советская философия и, шире, философия марксизма, которая была философско-идеологическим базисом советской эпохи, изучается очень фрагментарно и крайне недостаточно. Где же еще, казалось бы, изучать советскую философию как часть философии отечественной, пусть и очень своеобразную, как не на ее родине? Однако в академической среде профессиональных специалистов по истории философии советского времени можно пересчитать по пальцам одной, максимум, двух рук. Третьей руки тут точно не понадобится.

На мой взгляд, у этого странного явления есть несколько причин. Во-первых, дает о себе знать некая “ушибленность” советским временем и его трагичностью, отталкивание от него. Это было очень непростое для нашей страны время — с войнами, репрессиями, гигантскими жертвами и невероятным напряжением народных сил. За эти темы до сих пор в каком-то смысле больно братья, и очень трудно тут быть объективным.

Во-вторых, пропагандистские крайности и радикальная либеральная пропаганда конца 80-х и 90-х годов прошлого века также во многом способствовали сложному восприятию этой темы, о котором говорила Юлия Вадимовна. Сейчас, правда, баланс немного выправляется, прошло какое-то время и стало все же легче быть более или менее объективными, но тут уже

дает о себе знать, если говорить честно, общий упадок академической гуманитарно-научной сферы в России. В результате одна из первоочередных задач нашего исторического самопознания даже не опознается в этом качестве.

Играет роль и научно-политический момент. Непосредственные участники той, советской философии по-прежнему активно действуют в науке и зачастую являются ключевыми фигурами в философской академической среде, задающими тон и направление исследованиям философии того времени. Но они по определению не могут быть достаточно объективными и беспристрастными исследователями или аналитиками самих себя и тех процессов, в которых принимали участие. Как можно изучать самих себя со стороны, объективно? Например, Нелли Васильевна Мотрошилова несколько лет назад выпустила довольно объемистую книгу “Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль” (М.: Академический проект, 2012). В ней много интересного, но все же такого рода рассказы о своей истории и истории своих коллег и друзей я бы, скорее, назвал свидетельствами. Эти люди — скорее, очевидцы, а не аналитики событий и процессов того времени.

К тому же, как правильно отметил Сергей, многие все-таки делали карьеру, хотя бы сначала, как марксисты и даже марксисты-ленинцы и проделали в целом довольно сложный путь. Их нежелание ворошить непростое прошлое понятно.

Однако делать работу исторического самопознания все равно надо.

Ю.В. Синеокая: Думаю, поколение шестидесятников — это отдельный важный и интересный феномен в интеллектуальной истории XX века, сравнимый с поколением деятелей культуры Серебряного века. Это солидарное поколение создало свой миф и до сих пор продолжает его выстраивать.

Ю.В. Пуцаев: А хорошо ли, что такой миф о философах-шестидесятниках вообще есть?

Ю.В. Синеокая: Да, на мой взгляд, это очень важно.

Ю.В. Пуцаев: Точно ли хорошо? Этот миф создает не совсем адекватную картину того, что было. Возьмем ту же книгу Нелли Васильевны. В ней проводится мысль о жестком разделении и противостоянии так называемой творческой — полуофициальной или неофициальной — философии того времени и философии идеологической, якобы, совершенно нетворческой, которая лишь выступала в роли, смиренной идеологической рубашки и душителя представителей первого лагеря. Но ведь исторически было не совсем так. При том, что обе эти линии действительно существовали и часто противостояли друг другу, это все же сильное упрощение, не совсем корректная идеализация. Так, попадают в тень или зону невнимания “промежуточные” явления, процессы и фигуры, скажем, М.М. Розенталь или Б.М. Кедров. Да и в так называемой творческой философии того времени, безусловно, присутствовали

идеологические моменты, а идеология была, в свою очередь, неотделима от важного философского содержания. Более того, было, скажем так, и идеологическое творчество, как ни странно, и в этом плане могут быть интересны даже такие традиционно порицаемые фигуры, как М.Б. Митин или З.Я. Белецкий. Анализ и поиск философского содержания в деятельности привычно порицаемых идеологических фигур могут оказаться весьма любопытными.

По-моему, представление, что в советской философии было два не пересекавшихся и противостоявших друг другу лагеря — творческий и официально-идеологический — справедливо только до определенной степени. Реальная историческая картина была гораздо сложнее.

С.Н. Корсаков: Я согласен с Юрием. Действительно, когда наши институтские корифеи в устных выступлениях или в текстах (недавно, например, вышел сборник мемуаров про “падение догматического марксизма”) начинают развивать эту версию, трудно сдержать улыбку. Из уважения к этим людям все-таки как-то ее сдерживаешь, но видно, что картина получается странная. Вначале говорится, что в советской философии все было плохо, — а потом: “Но там же были мы, а мы — это не что-то плохое, а очень даже хорошее и замечательное”. И следует вывод: “Вот видите, надо диалектически подходить. Есть хорошее и плохое. Нельзя мазать все одной краской”. Это то, о чем говорил мой коллега: создаваемый миф слишком удобен и всегда приправлен самооправданиями.

А на счет того, что и нелепая фигура может высказать умную мысль, — могу это проиллюстрировать. Я, правда, не могу согласиться с интерпретацией, которая была здесь дана Белецкому. “Письма Белецкого” — это знаменитый факт философской жизни 1940-х годов. С них начались многие философские разборки, включая знаменитую дискуссию 1947 года. Я недавно обнаружил и опубликовал интересные факты о начале этой истории: как его выгнали из Института философии. Дело в том, что Белецкий вообще говорил, что немецкая классическая философия — это источник фашизма. Он просто не знал, что есть иррационалистическая линия немецкой философии — таких имен, как Якоби или Гаман, он вообще никогда не слышал. И когда ему указали на нелепость его взглядов, он только повторял свои идеологические штампы. Его просто вынуждены были выгнать за профнепригодность, и тогда он написал Сталину. Ну, а тут он нашел родственную душу, и Сталин его поддержал.

Но я хотел привести пример высказывания “умной” мысли. Я недавно занимался как раз такой фигурой. Это, правда, касается истории не философии а психологии, но психологии философствующей. В 1931 году главным психологом в Советском Союзе на короткое время стал А.А. Таланкин. Я сейчас о нем работу написал. Он тоже повторял разные глупости по поводу

меньшевиствующего идеализма и прочих идеологических шуток. Но попутно он говорил: “У нас неправильно выстроена психологическая наука. У нас есть отдельные направления: психотехника, психоанализ и так далее. Яркие, ведущие. А она должна быть выстроена иначе. Должна быть общая психология и от нее ответвления в виде прикладных направлений”. Таланкина расстреляли, это все было забыто. А потом, начиная с Рубинштейна, психология была выстроена именно так, как предсказывал Таланкин. То есть, такие парадоксы действительно случаются. Это просто в качестве иллюстрации к мысли, которую высказал коллега.

Ю.В. Пушаев: И в продолжение разговора я попытаюсь указать на две причины, по которым стоит серьезно заниматься философией того времени. Только для более дифференцированного подхода следует, как минимум, разделять советскую философию и философию советского времени. Потому что, с одной стороны, были талантливые и искренние философы-марксисты, которые старались творчески развивать ортодоксальный марксизм. Это, например, Э.В. Ильенков и М.А. Лифшиц. Кстати, финский исследователь советской философии Веса Ойттинен удачно назвал Ильенкова “ортодоксальным еретиком”. В то же время были философы, которые в ходе своего творческого пути довольно сильно отошли от марксизма. Другое дело, что им самим полностью и до конца от этого наследия избавиться не удалось, они даже в свой условно антимарксистский период по-прежнему в определенных и немало важных аспектах опирались в скрытом или полуявном виде на прежний марксистский багаж. Так было, на мой взгляд, с Мерабом Мамардашвили, о чем я скажу чуть позже.

Или возьмем такую парадоксальную фигуру, как Генрих Степанович Батищев. Он сначала был учеником Ильенкова и диалектическим логиком его школы, а потом, после сложных духовных поисков и увлечения восточными религиозно-философскими школами, пришел в итоге к православию. Но если посмотреть на его философские тексты, в том числе поздние, то собственно православного содержания, даже скрытого и зашифрованного, вы там не найдете — только какие-то общерелигиозные мотивы и намеки, выраженные обтекаемым эзоповым языком и к тому же изложенные на концептуальном языке марксистской диалектики. Скажем, рассуждения о “беспредельной диалектике универсума” или “беспредельной объективной диалектике”. Если считать их батищевским наименованием Бога, то какой именно это Бог? Ведь эти выражения вполне можно понимать и, например, в пантеистическом духе.

Или тот же Мераб Мамардашвили. Его, вроде бы, трудно считать “советским философом”, но и в его философствовании отчетливо видны признаки принадлежности к советской эпохе. Например, даже в своем антисоветизме он унаследовал советский радикализм и утопизм, просто с обратным знаком.

М. Рыклин приводил любопытный эпизод с конференции 1989 года в Дубровнике, в Хорватии. Мамардашвили в своем выступлении стал утверждать, что западноевропейские общества представляют собой просто нормальное общество. И Рыклин вспоминал изумленную реакцию приехавших туда левых западных философов, которые свое общество нормальным никак не считали. На Мамардашвили смотрели большими глазами: “Что ты нам о нас рассказываешь?”. Этот утопизм — конечно, тоже в определенном смысле наследие советского менталитета и советской интеллектуальной культуры.

Поэтому две выделенные линии — “советская философия” и вроде бы противостоящая ей “философия советского времени” — это тоже упрощение. Картина была куда сложнее и дифференцированнее.

Итак, на мой взгляд, есть, как минимум, две причины, почему философия этого времени может представлять особый интерес. Во-первых, с какой-то, пусть и достаточно провокационной, точки зрения на советскую философию можно вообще посмотреть как на кульминацию мировой философии. Ведь большевики были первыми, кто попытался воплотить в жизнь мысль Платона, что философия должна прийти к власти, что философия и власть должны слиться воедино. Уайтхед как-то заметил, что вся история европейской философии — это растянутый на две с половиной тысячи лет комментарий к Платону. И советский проект — заметная часть комментариев к идее Платона об идеальном государстве, в котором философы должны управлять обществом. Парадокс в том, что эту платоническую мысль воплощали в действительность анти-платоники — материалисты, для которых сам Платон был враждебной фигурой, представителем противоположного им лагеря. Но в то же время, например, и А. Ф. Лосев отмечал платонические черты советской действительности. В этом контексте имеет полное право на существование такая тема, как “советский платонизм”. В записях В.В. Библихина о Лосеве есть такой эпизод. Лосев слушает какую-то оперу о колхозниках и колхозной жизни. В ней жена разводится с мужем из-за того, что тот вышел из колхоза. И Лосев восклицает: “Так это же Платон!” Это и вправду платонические черты советской действительности — тотальное господство идеи над личностью, идейность — часто в ущерб межчеловеческим отношениям, суровое отношение к искусству и цензура, отрицание чистой внеклассовой науки и т.д.

Вторая причина, по которой советское время и советская философия нуждаются в анализе, — это то, что мы живем в ситуации расколота истории и глубокого общественного раскола. История нашей страны, в том числе интеллектуальная, и история ее культуры в целом делится, как минимум, на два, вроде бы, не связанных друг с другом этапа. Это царская дореволюционная Россия и Россия советская. Но что-то же должно быть между ними общее! Да, действительно, произошел резкий

исторический разрыв, но должна быть логика в этом грандиозном историческом переломе, и ее надо искать. Почему та Россия приняла советский проект, а не буржуазно-либеральный? К тому же советский проект в каком-то превращенном смысле сохранял определенные черты старой, дореволюционной России, в том числе превращенные религиозные черты и моменты. Возьмем того же Ильенкова. Кстати, его дед был священником, а отец, известный советский писатель Василий Ильенков, в юности учился в семинарии. В мировоззрении и личности Ильенкова было много именно таких превращенных религиозных черт и свойств. Как известно, он много занимался слепоглухими детьми и философскими проблемами слепоглухоты, считая, что на ее примере можно увидеть, как вообще человек становится человеком. По этому вопросу писали и высказывались и философы других стран и традиций, например, Э. Кассирер. Но в чем специфическое отличие Ильенкова и его коллег-соратников, других советских марксистов, философов и психологов? Они не только теоретически анализировали опыт воспитания слепоглухих детей, а и сами непосредственно занимались этими детьми. Это не было для них только предметом отстраненного теоретического анализа, на основании которого можно пытаться усматривать, как возникают мышление и иные “высшие психические функции”. В этом плане они напоминают людей религиозных: ведь, как известно, слепоглухими всегда особенно много занимались именно представители разных христианских конфессий. М. Лифшиц сказал после смерти Ильенкова, что его беспокойная натура и пламя души определялись страстным желанием выразить близость земного, нерелигиозного воскресения жизни. Радикальный марксизм как попытка “нерелигиозного воскрешения жизни” неслучайно нашел себе место для действия именно в России.

С.Н. Корсаков: Юрий Владимирович говорил в основном о философии 60-х—80-х годов, которая как раз в силу того, что живы участники событий, изучается более интенсивно. Я в большей степени занимаюсь философией 20-х—30-х годов, которая оказалась совсем в “патовом пространстве” и не вызывает интереса по идеологическим соображениям. Может быть, сказанное мной обидит тех, кто что-то делал в этой области, но здесь действительно предстоит, пользуясь памятным выражением, переходить “от утопии к...”, а вернее сказать, — от легенд и мифов к науке. У нас пока нет адекватной картины философской жизни в СССР в 20-е и 30-е годы. Те исследователи, кто все же занимается этим периодом, выбирают фигуры, уже присутствующие в словарях, энциклопедиях: Бухарина, Луначарского, еще кого-нибудь. Как шарик, попав в барабан, крутится там, так крутятся несколько персоналий, обрастают литературой. А ведь они поддерживали взаимоотношения с десятками других людей, писавших интересные тексты, — но этих журналов уже давно никто не читает. А если все же обра-

тятся к какому-то из них, то кроме фамилии ничего его статья читателю не скажет. Перед нами просто неисследованное поле, неподнятая целина. Я стараюсь по мере возможности брать советскую философию в целом как некую совокупность персонажей, позиций и текстов, копать вширь и вглубь одновременно. Могу попробовать пунктиром проследить, как она развивалась и формировалась в 20-е и 30-е годы, какие там были подводные течения, или, наоборот, открытая борьба, в чем она заключалась.

Чтобы себе представить ситуацию 20-х годов, надо вернуться чуть-чуть назад, в те дискуссии, которые шли между марксистами в дореволюционный период. Дело в том, что в первые послереволюционные годы господствовал, по характеристике Л.А. Когана, “антифилософский нигилизм”. Конечно, формулировка не очень хороша стилистически. Тем не менее, именно это настроение доминировало среди пришедшей к власти революционной элиты. И это совершенно не было связано с идеологическими вопросами: что, мол, марксизм, а что — не марксизм. Выразил это общее мнение известный политический деятель и публицист С.К. Минин, заявив: “Философию за борт!”. Философия рассматривалась как форма сознания, которая устарела сама по себе, по сути своей. И у большевиков, и у меньшевиков, и у эсеров очень сильны были позитивистские настроения. Они готовы были принимать новейшие достижения естествознания — потому у них так популярен был махизм — и считали, что научная теория общества, сформулированная Марксом, должна быть дополнена научной теорией, методологически обобщающей новейшие результаты естествознания. Это была консенсусная позиция революционной элиты. И теми, кто пошел против этого течения, оказались Плеханов и Ленин.

Я бы в этой связи обратил особое внимание на “Материализм и эмпириокритицизм”. У этой книги, на мой взгляд, совершенно несчастная судьба: ее трепали как только могли, мусолили, сессии научные проводили, но никто так и не увидел ее смысла — того, ради чего книга была написана. Все считали, что там теория отражения защищается. Не стал бы Ленин заниматься теорией отражения, да еще выгонять из ЦК тех, кто не согласен с его точкой зрения на теорию отражения. Вопрос шел о том, как понимать марксизм. Понимать ли его как гегельянское учение, то есть как философскую теорию, или вот так вот приземленно — как некую совокупность научных положений. Это принципиальная разница. И оказалось, что среди большевиков у Ленина не было никакой поддержки по этому вопросу. По всем философским вопросам он вынужден был опираться на меньшевиков: Плеханова, Л. Аксельрод и Деборина, которые разделяли его точку зрения.

Партийным авторитетом Ленина был нанесен сильный удар по позитивистским настроениям, но они никуда не ушли.

После революции все ключевые позиции были заняты сторонниками вот этой позитивистской точки зрения, отрицавшей философию как таковую. Первое научное учреждение по философии — Институт научной философии при МГУ — создал Г. Шпет, однако его быстро убрали из директоров, и дальше ИНФ возглавлял Я.А. Берман — как раз один из тех, кого Ленин критиковал в своей книге.

И уже практически умирающий Ленин распорядился, чтобы карт-бланш на руководство философией в России был дан Деборину. Ученику Плеханова, который активно принялся выстраивать философию в России практически с чистого листа (как раз тогда были высланы из страны религиозные философы). Первое что Деборин сделал — это постарался подготовить кадры. В Институте красной профессуры было создано философское отделение. Там была очень интересная манера обучения. Учились три года, в обязательной программе были политэкономия и история философии, а также иностранные языки. Причем одним из заданий был перевод какого-то важного оригинального текста — ведь многие тексты, особенно Нового времени, просто не были еще переведены по идеологическим причинам, из-за цензуры, в том числе церковной. Известно, например, что до революции был рассыпан набор “Левиафана” Гоббса. Когда после трех лет обучения человек выходил с какой-то уже самостоятельной тематикой, его отправляли месяца на три стажироваться за границу. Как правило, в Германию, в Берлин, реже в Париж, если научные интересы были франкоязычными, и еще реже в Лондон: чем дальше ехать, тем больше денег надо платить. Когда кадры были сформированы, Деборин стал выстраивать организационные структуры. Уже работал Институт научной философии при МГУ, но Деборин считал, что вузовская площадка не очень удобна для философии — нужна площадка академическая. И вот сначала была создана Философская секция в Коммунистической академии. Говорилось, что она создается для подготовки “Философского словаря”. Как только это было сделано, Деборин сразу же сказал: будем создавать Институт философии, чтобы готовить “Философскую энциклопедию”. И действительно в очень короткие сроки был подготовлен и опубликован словник этой энциклопедии. Планировалось издание семи томов. В 1928–1929 годах был создан Институт философии.

Я бы выделил три вещи, которые интересовали этих людей. Первое — теория диалектики. На философов Нового времени и немецких классических философов было принято смотреть как на творцов систем, Деборин же, будучи марксистом и считая, что марксизм — это высшая стадия всей предшествовавшей философии, постарался вытащить из каждого философа Нового времени то, что у того было по диалектическому методу, а затем обогатить это все и построить теорию диалектики. В Институте была создана секция, посвященная ”Капиталу” как фи-

лософскому произведению. Ильенков к этой теме придет только спустя три с лишним десятилетия, в 1950-е—1960-е годы.

Ю.В. Пуцаев: А кто в эту секцию входил?

С.Н. Корсаков: Я могу Вам назвать только заведующего: был такой экономист Б.С. Борилин. Но дело в том, что это все — краткий миг, какие-то несколько лет. Все было разгромлено, уничтожено, и об этом никто и ничего не знает. Приходится, так сказать, “откапывать” убитых людей, вызывать свидетелей, приглашать родственников. Я образно говорю, но это моя повседневная практика, то, что я делаю постоянно. Мне удалось разыскать около двадцати семей расстрелянных философов Института. Весь первый состав Института был уничтожен, а также почти весь второй состав, набранный после первого. Но это было позже, я сейчас забегаю вперед.

Второе, чем они занимались, — история философии. Она была поставлена очень основательно. Главный акцент делался, как я уже сказал, на изучение Нового времени и на перевод текстов — именно в силу голода на эту литературу. Здесь были выдающиеся личности. Г.С. Тымянский очень много переводил английских философов, а И.К. Луппол настолько хорошо освоил философию французского Просвещения, что французы по собственной инициативе перевели его книгу о Дидро. За что, конечно, на Родине Луппол получил рецензию под заглавием “Меньшевиствующе-идеалистический товар под маркой марксизма”.

И третье, на что были направлены их усилия, — это вопросы философии естествознания. Этой отрасли философских исследований в принципе не было в дореволюционной России. А здесь появились люди, которые занимались философией естествознания, имея соответствующее образование, в том числе естественнонаучное. В Институте красной профессуры было создано естественное отделение. Они поняли, что наиболее значительные явления в естественных науках их времени — это квантовая механика, теория относительности и генетика. И пытались дать им философское обоснование и идеологическую защиту. То есть, деборинская школа занималась идеологической защитой генетики, квантовой механики и теории относительности. Б. М. Гессен, один из представителей этой школы, прославившийся своим докладом в Лондоне — сейчас я на этом не стану останавливаться, — сформулировал принцип: философские теории не отвечают за их идеологические интерпретации. За что ему, конечно, тоже попало. И только в 60-е годы И.Т. Фролов и П.В. Копнин вновь вернули этот принцип.

Оппонентами их были механисты, которые отвергали эти естественнонаучные направления и продолжали позитивистскую линию, до революции представленную махистами.

А дальше наступил 1930 год, когда Институт философии был разгромлен. В декабре 1929 года исполнилось пятьдесят лет Сталину, и к Деборину обратился зав. Агитпропом ЦК

с предложением написать для “Правды” статью о великом философе Сталине, очередном классике марксизма. На что Деборин, как мне рассказывала его вдова Ирина Иезекиилевна, по своей наивности сказал: “Я, к сожалению, не читал у него философских работ”. Потом он говорил: “Да если б я знал, что так все закончится, я написал бы”. Но было уже поздно. И сразу пошли запреты. На январь 1930 года намечалась Первая Всесоюзная конференция по философии. Она была отменена. Деборин уже договорился об организации философского журнала “Проблемы философии”, потому что в журнале “Под знаменем марксизма” печатались и экономические, и исторические статьи. Это тут же отменили. Была подготовлена делегация для поездки на Всемирный философский конгресс в Оксфорд. Было получено международное приглашение, но разрешения на выезд приглашенным не давали. Конгресс открывался 1 сентября, ЦК дал разрешение на поездку 31 августа. В результате на конгрессе оказался только Луппол, который был в это время в загранкомандировке, и он за день написал текст на немецком языке и прочитал доклад “Согласуется ли философия истории с фактами истории”. Он выступал в одной секции с Н. Гартманом. И после этого они неформально общались, на почве диалектики нашли какой-то общий язык.

А потом, в октябре 1930 года, состоялось заседание в Ком-академии. Собрали клаку из тех, кто согласился предать учителя, чтобы получить выгодные места. Применили лом в виде политического аргумента: нашли статью Деборина, где тот критиковал Ленина. И после этого Деборин сдался. Его ученики Стэн и Карев еще продолжали бороться, но вскоре началась тотальная зачистка всей гуманитарной сферы, в том числе и философской.

И вот когда читаешь тексты, журналы, то сразу бросается в глаза разница. В журналах 20-х годов люди выражают свое мнение. Оно может быть завиральным или с руганью, но автор что думает, то и пишет. А вот когда читаешь тексты 30-х годов, то видно, что человек как-то пытается идеологически приспособиться к ситуации.

А общая модель была такая: ты должен вот этому чудовищу, Левиафану, скормить коллегу. Если у тебя это получилось, ты получаешь свидетельство о благонадежности. Если тебе по моральным соображениям тяжело это сделать, ты попадаешь в разряд подозрительных и становишься кандидатом на печальные последствия. А если ты, не дай Бог, в этой ситуации где-то как-то высказался, даже частным образом, умаляя роль великого вождя в философии или еще где-нибудь, то дальше тебя мордуют разными способами до тех пор, пока ты не покаешься. А вот когда покаешься, тебя уничтожают.

И философия оказалась в том положении, в котором она оказалась. То есть, я вижу в этой истории такой резкий взлет, а потом...

Дальше уже другая история — о трудном пути возрождения в 50-х–60-х годах, о ниточках преемственности. Добавлю только одно. Возрождение в середине 50-х годов, с моей точки зрения, шло по всем тем направлениям, которые были намечены этой школой в 20-е. Даже те из философов, кто в 60-е годы уже особо не разделял марксистские идеи, все равно двигались примерно теми же путями, которые были намечены деборинцами, и по ним дальше происходило возрождение философской мысли, но очень разнопланово. Это уже более сложный процесс, я не берусь его оценивать.

Ю.В. Пуцаев: Советскую философию, — я об этом уже говорил, можно рассматривать как кульминацию мировой философии, ее высшую точку в плане ее действенности. Даже в пресловутом “Кратком курсе истории ВКП(б)” было написано, что диалектический и исторический материализм — это теоретический фундамент коммунизма и коммунистической партии. То есть, впервые определенная философия объявлялась теоретическим базисом и основой мировоззрения как правящего слоя, так и всего общества. Однако ирония истории состояла в том, что философия тут же попала под жесточайший идеологический пресс, в ежовые рукавицы партийных администраторов. И это, на мой взгляд, очень поучительный урок в школе самопознания философии, анализа ее исторических путей. Неслучайно, опять-таки, постмодернизм начинает окончательно задавать тон и играть первую скрипку в современной культуре именно после краха советского проекта. Последний — очень значимая веха на пути к историческому финалу эпохи европейского Просвещения.

При обсуждении советской философии неизбежно возникает еще одна важная тема — философия и политика. Во-первых, советская философия и философия советского времени многими существенными нитями связаны с политическими проблемами, как и с историческими судьбами нашей страны в целом. Очевидно, например, что философы-шестидесятники приложили руку к окончанию советского проекта и к его краху. Ведь история их идейно-политической эволюции — это во многом история ухода от марксизма и усвоения либеральных взглядов, постоянная борьба с цензурой и системой, язык полунамеков, хорошо, впрочем, понятный читающей публике. И то, что сейчас, когда говорят о Перестройке–2 и т.д., не изучается этот аспект “советской антисоветской” культуры, в том числе, скажем, публицистика времен перестройки, — это, на мой взгляд, очевидный провал нынешней власти. Впрочем, видимо, как и тогда, сторонники новой “перестройки-катастрофы” занимают не последнее место в эшелонах нынешней власти.

Во-вторых, в особенности отношений философии и политики в советское время во многом упирается трагедия искренней марксистской философии 1950–1980-х годов. Я имею в ви-

ду, прежде всего, Ильенкова. Трагедия эта была неизбежна, запрограммирована. Ведь из сути этой системы и исторической логики ее эволюции вытекал жесткий идеологический диктат даже над попытками искренней марксистской философии. В самом начале традиции советского марксизма в личности Ленина и Сталина (а ранее — Маркса и Энгельса) совпадали роли верховного теоретика, главного философа и политического вождя. А во второй половине 1950-х годов, после смерти Сталина, роли философа и вождя уже очевидным образом разошлись. Сталин еще как-то их пытался совмещать, время от времени давая верховные указания касательно, например, языкознания или политэкономии социализма. Но уже ни Хрущев, ни Брежнев претендовать на это не дерзали, это стало просто заведомо невозможно. В этом смысле сложившаяся парадоксальная картина была неизбежной и запрограммированной: философия марксизма претендует на роль верховной науки и идейной основы общества, а самых талантливых ее представителей идеологически прессуют и не дают необходимого простора для творчества. Ведь те люди, которые реально занимались философией, были лишены даже минимального практического влияния, хотя понимали происходящее с марксистских позиций лучше тех, кто стоял у власти. А власть уже больше руководствовалась не коммунистическими идеями, а чистой прагматикой, стремлением удержаться самой и удержать общественный порядок.

Ильенков, ортодоксальный еретик, понимал, как сильно советский проект отклонился от исходного идеального замысла. В конце 1960-х годов он написал письмо в ЦК, которое так и осталось неотправленным и позже было найдено среди его бумаг. Там он буквально кричал, вопил, что в той советской философии уже почти никто не занимается марксистской философией в ее ленинском понимании, что философские круги в СССР уже захлестнул позитивизм. И если дело так пойдет дальше, говорит он в своем неотправленном письме, то дело социализма будет проиграно. Он предчувствовал крах СССР, и, очень вероятно, его самоубийство было связано именно с этим, с разочарованием от проигрыша дела, которое он воспринимал как свое. А власть не принимала ильенковское, подлинно марксистское понимание ситуации, и в этом была тоже своя логика: система работала по другим — реальным, а не идеально марксистским законам. Власть больше действовала в режиме самосохранения, и идеалистический “возврат к Марксу” был просто нереален.

И третий момент, о котором я хотел бы упомянуть. На мой взгляд, можно говорить о некотором историческом неуспехе наших философов-шестидесятников. Ведь они рассчитывали на возникновение в результате их деятельности влиятельной светской философии, стоящей на автономных рациональных началах. Своего рода философии как строгой науки в новых

исторических условиях, свободной от идеологического диктата. Но очевидно, что такой влиятельной рационалистической философской традиции, тем более в качестве какой-то влиятельной общественной силы, в России в постсоветские годы не сложилось. Я об этом как-то задал вопрос видному участнику этого движения Александру Моисеевичу Пятигорскому, когда мне повезло с ним встретиться и немного пообщаться. Я спросил, сбылись ли надежды его поколения. Он сказал: конечно, нет. А на вопрос, почему же так получилось, ответил в своем обычном предельно субъективном ключе: “Видимо, игроки попались не те. Они долго разминались, делали разные упражнения перед выходом на поле. Оказались, в общем, ленивыми и немного бездарными”.

Но все же вряд ли дело тут только в личных способностях людей и в том, что просто игроки оказались слабые. Должны быть объективные причины, по которым философская традиция, декларирующая себя рационалистической, вновь оказалась не слишком востребованной в российской культуре. В. Биbihин в одной небольшой статье утверждал, что на нашей почве не может возникнуть автономная либерально-рационалистическая мысль — у нее просто нет опоры в наличных социальных структурах. Поэтому, считает Биbihин, в России всегда будет больше востребована интеллектуальная традиция, коренящаяся в богословии и метафизике языка. Мне, в свою очередь, кажется, что в России на успех может рассчитывать традиция либо действительно связанная с богословием, либо носящая преимущественно социально-политический характер, как марксизм.

С.Н. Корсаков: Добавлю только один штрих, касающийся моей позиции и тех персонажей, о которых я говорил — философов 20-х годов. Они, прежде всего в лице деборинской школы, с моей точки зрения, и были уничтожены именно за то, что были марксистами. Этот факт обычно ускользает от понимания при поверхностном взгляде. Но тенденция была такая: реставрация при Сталине военно-феодальной монархии. Она другие вывески имела, но суть-то все равно была та же. Если бы посмотреть на эти процессы с позиции марксистского учения, то сразу стало бы видно, что не туда идем, не в соответствии с учением. Поэтому и было просто проведено превентивное уничтожение философов марксистской ориентации. Почему “меньшевиствующего идеалиста” расстреливали, а идеалиста даже не арестовывали? Он рассматривался как буржуазный специалист, который может сидеть дома и переводить, например, Николая Кузанского.

Ю.В. Пушчаев: Лосева арестовывали.

С.Н. Корсаков: Я понимаю, что Лосева арестовывали. Но достаточно много философов спокойно работали. Именно в качестве буржуазных. Здесь важна тенденция. Тем более, что Лосев тоже достаточно сложная фигура, и само его возвраще-

ние на философский факультет МГУ можно трактовать неоднозначно. Из моей исследовательской практики я знаю, что осужденный философ просто так не мог вернуться к профессиональной деятельности.

Ю.В. Пушаев: Сергей, но у Вас странным образом получается, что марксистам при советской власти было тяжелее, чем идеалистам.

С.Н. Корсаков: Парадокс. Гегель говорил: “Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения”. При поверхностном взгляде то, о чем я сейчас говорил, совершенно не видно. А когда начинаешь работать, все время на это натыкаешься.

Ю.В. Пушаев: В принципе, я согласен, что искренним марксистам в 1960-е—1980-е годы было непросто. Они находились как под давлением власти — правда, чаще всего умеренным, так и под давлением, так сказать, самой действительности, которая не собиралась соответствовать их идеальным ожиданиям, что становилось с течением времени все очевиднее и очевиднее. С.Н. Мареев в книге “Встреча с философом Ильенковым” приводит интересный случай. Приходит он однажды к Ильенкову, а тот буквально в шоке, плачет.

— В чем дело?

— Китай на Вьетнам напал.

— Ну и что?

— Так это же война между двумя социалистическими странами, как такое может быть? В мировой социалистической системе не может быть войн между принадлежащими к ней государствами.

Тем не менее никакая другая философия, кроме марксистской, причем в ее ленинском варианте, в легальном поле существовать тогда в принципе не могла. Это абсолютно очевидно. Были ли при Советской власти христианские философы и богословы? Были. Например, выдающийся духовный писатель Сергей Фудель. Правда, все свои труды он писал, что называется, в стол, пройдя через 12 лет лагерей и ссылки. Был он простым псаломщиком в церкви в городе Ковров Владимирской области. Это не сравнить с академическими карьерами, которые делали марксисты, в том числе те, кто вечно прятал фигуру в кармане и “вынашивал перестройку”.

Сергей, Вы говорите, что Сталин создал феодальную монархию, а не социализм. Как Вы относитесь к мысли Зиновьева, что советский строй — это и был реальный коммунизм? Что было, то было, и ничего иного на практике получиться не могло. Более того, логика идей и логика истории требовала именно этого.

С.Н. Корсаков: Можно я отвечу не совсем на Ваш вопрос. Не о том, как я отношусь к мысли Зиновьева, а как я отношусь к автору мысли.

Ю.В. Пушаев: Это переход на личности.

С.Н. Корсаков: Я понимаю, конечно, не хорошо переходить на личности.

Ю.В. Пуцаев: Ну, личность яркая была.

С.Н. Корсаков: Яркая. Когда человек становится шоуменом от чего-то... Можно быть шоуменом от философии, и тогда можно сыпать парадоксами. А проверять потом каждый из этих парадоксов — неблагодарный труд. Автор мысли мне кажется слишком несерьезным для того, чтобы его обсуждать. Я ушел от ответа, конечно, но высказал свое мнение. Может, я неправильно оцениваю великого философа Зиновьева.

Ю.В. Пуцаев: Нет, великим философом он не был.

С.Н. Корсаков: Я у покойного А.Л. Субботина спрашивал: “Сделал что-то Зиновьев в логике?”. “Вообще говоря, не очень”. А уж все остальное... Человек хотел, чтобы о нем писали. Для этого надо было писать парадоксальные вещи раньше, чем до них доходила общественность.

Ю.В. Пуцаев: Вы знаете, я прочитал его знаменитую диссертацию 1954 года. Это действительно оригинальная, в чем-то даже выдающаяся работа для того времени. Другое дело, что сейчас она, напротив, вызывающе неактуальна. Это как застывшее в янтаре насекомое. Остается как бы только выставить ее в музей, и все. Но вот его работы начала 1980-х про реальный коммунизм более интересны и эвристичны хотя бы в контексте наших же попыток понять советскую эпоху. При чем они одновременно и предмет изучения, и источник интересных наблюдений. А то, что Зиновьев стал отчасти шоуменом и что у него было чудовищное самолюбие (при том, что в молодости, судя по рассказам, он отличался блестящим остроумием) — это, увы, так. Но, мне кажется, надо отделять то, к чему стоит относиться серьезно, от того, к чему просто невозможно серьезно относиться.

Ю.В. Синеекая: Большое спасибо. Прежде чем мы перейдем к вопросам, я бы хотела обратиться к одному из наших слушателей. На нашей встрече присутствует коллега из Германии профессор Бременского университета Вольфганг Киссель. Каково Ваше мнение о затронутых в сегодняшнем разговоре проблемах?

В. Киссель (д-р филос. наук): Что касается советской философии, я до сих пор придерживался мнения, может быть немного ошибочно, что интересных явлений в ней не было. Благодаря вам, русским историкам философии и исследователям архивов, я узнал, что философия советского периода — разнообразное, богатое поле конфликтующих позиций.

Вы затронули вопрос о том, в чем заключена суть советской философии и являлась ли она уникальным явлением. На мой взгляд, советская философия — это как раз тот элемент, который отличает феномен Советского Союза на всех этапах его трагического становления от феномена немецкого тоталитаризма. Возможно, главное отличие — это акцент на философи-

ское размышление. Сталину приписывают серьезные теоретические амбиции. Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение на этот счет.

Ю.В. Пуцаев: Я с Вами совершенно согласен. Например, известно, что библиотека Сталина составляла более 20 тысяч томов научных работ по самым разным областям знания, художественных книг и т.д. На полях многих книг есть его пометки. А Гитлер читал только книги по истории Германии и труды военных теоретиков. И в теоретическом и интеллектуальном плане он — просто ничтожество по сравнению со Сталиным, Лениным, Марксом. Понятно, что Сталин не философ, а, скорее, идеолог. Но тот же Зиновьев совершенно верно, на мой взгляд, заметил, что, например, статья “Марксизм и вопросы языкознания” — это идеологический шедевр. У Сталина было удивительное чувство идеологической нормы.

В. Киссель: Сегодняшняя дискуссия побуждает обратить внимание на очень важные для дальнейших обсуждений этого вопроса сюжеты. В частности, вы сказали, что большевизм как советская философия был преемником европейского Просвещения, однако превратился в нечто ему прямо противоположное.

С.Н. Корсаков: Если говорить об идеалах Просвещения, то я думаю, что их как раз не хватает в наше время. Надо к ним возвращаться. И не только к идеалам Просвещения, но и к ренессансным идеалам. Магистральное идеологическое направление должно быть таким, и оно объединит, мне кажется, всех рационалистически мыслящих людей и гуманистов. Это моя позиция относительно идеалов Просвещения.

Что касается Сталина, коллега совершенно верно сформулировал эту проблему. Был ли возможен социализм без сталинизма? Если бы у меня был ясный окончательный ответ, я бы его высказал, но я не уверен ни в каком ответе: ни в положительном, ни в отрицательном. Единственное с чем я не могу согласиться — это с какими-то преувеличенными оценками интеллектуальных возможностей Сталина. У Сталина не было другого выхода. До него в партии был вождь, который был выдающимся философом, Сталин занял его место. Он вынужден был позиционировать себя тоже как выдающегося философа. При том сами его философские взгляды — если о них можно говорить — резко отличались от ленинских. В каком отношении? Я Вам рассказывал, почему Ленин вступил в борьбу с махистами. Он защищал гегельянскую версию марксизма. Сталин резко отрицательно относился и вообще к Гегелю, и к гегелевской диалектике. Понятно, что он сам написал эти несчастные странички в “Кратком курсе”, касающиеся философии, изуродовав там все, что можно. Но есть записи его бесед с идеологами, и там он говорит по поводу одного из текстов: «Вы тут особенно не балуйтесь вот этими выражениями “противоречие”. Это гегельянская терминология. Этого делать не надо». Такие вот личные оценки.

Мне удалось разыскать правнучку Я. Стэна — это человек, которого Сталин приглашал к себе домой, чтобы тот помог ему ликвидировать философскую безграмотность и научил азам диалектики. Стэн пытался это делать и рассказывал об этом своей жене, а я беседовал уже с правнучкой, которая жила вместе со своей прабабушкой и потому все это запоминала. И запомнила, что. Стэн, который, как и Сталин, был большевиком с дореволюционным стажем, рассказывал, что он говорил Сталину: “Коба, ты дурак!”. Я опять же не берусь это комментировать, но говорил он об этом не один раз. Стэн несмотря на свое латышское происхождение был человеком эмоциональным и чуть не за грудки хватал Сталина, пытаясь вбить ему эту гегелевскую диалектику, за что через несколько лет получил пулю так же, как и его коллеги. Такая вот оценка по рассказам свидетелей. У Сталина было катехизическое мышление. То, что сейчас коллеги назвали выдающимся идеологическим текстом, — один из его образчиков.

Ю.В. Пушаев: Я призвал бы внимательно почитать и перечитать Сталина и попытаться в чем-то переосмыслить эту фигуру. Его самая первая крупная работа, написанная еще в 1906 году, — это “Анархизм или социализм?” Это апология диктатуры пролетариата как необходимой жесткой власти. А вторая крупная работа, тоже дореволюционная, 1913 года, — “Марксизм и национальный вопрос”. А ведь они положили начало его, так сказать, основным жизненным занятиям или трендам — это вопросы государственного строительства и национальные проблемы. Для него это были ведущие темы с самого начала его революционной деятельности. Тут есть своя четкая и любопытная логика.

С.Н. Корсаков: Юрий, вот именно к этому я бы призвал. Надо бы обратиться к человеку, который сумел бы сопоставить эти тексты Сталина с текстами австромарксистских теоретиков национального вопроса и посмотреть степень заимствований, имеющихся у Сталина. Потому что это был его образ жизни: воровать идеи, а потом убивать тех, у кого они были сворованы.

В. Киссель (д-р филос. наук): Да, я согласен. Я тоже думаю, что это очень важное уточнение. Он, по всей вероятности, не обладал выдающимися интеллектуальными способностями. Однако его постоянный интерес к теории и очень практичное применение этой теории как нельзя лучше отвечали потребностям идеологии. Это свидетельствует об определенных способностях.

С.Н. Корсаков: Абсолютно верно. Вы угадали. Это как раз тот упрек, который Стэн в статье в “Комсомольской правде” публично сделал Сталину: практицизм, превращение теории, как писал Стэн, — в дубину, которую держат в руках хватательные органы разной длины. И вот этот практицизм как раз и стал водоразделом между философами-деборинцами и Сталиным и теми, кто пошел за ним.

Ю.В. Пуцаев : Мне кажется странным говорить про человека, который руководил таким огромным государством, а потом и целым советским блоком, столько всего держал в голове, что у него были не очень высокие интеллектуальные способности.

Ю.В. Синеокая: Мы плавно перешли к вопросам. Пожалуйста.

Из зала: Обшались ли философы советской эпохи с композиторами и писали ли какие-то известные работы по вопросам музыки?

Ю.В. Пуцаев: Известно, что Лосев однажды приходил к Ильенкову домой и они вместе слушали Вагнера. А.А. Тахо-Годи пишет об этом в биографии Лосева, изданной в ЖЗЛ. Кстати, интересны воззрения Лосева на проблему музыки в Советском Союзе. Он их выразил в повестях, которые писал “в стол” и которые были изданы только после его смерти. Их случайно нашли в его бумагах, об их существовании даже не знали домашние. Там высказывается идея, что в Советском Союзе не должно быть никакого “искусства ради искусства”, никакой неутилитарной музыки — только военные и трудовые марши. То есть, доводится до абсурда платоническая логика советского государства. В этом очевидна ирония его мысли.

Из зала: Не кажется ли Вам, что говорить о советских философах — это все равно, что говорить о классовой природе физики, химии. Если, конечно, это философы, а не идеологические работники. “Идеологический философ” — это, наверное, все-таки в кавычках. Это первый вопрос. Второй: как вообще можно говорить о какой-то марксистской философии, если Маркс не признавал философию, практически от нее отказывался.

Ю.В. Пуцаев: Попробую ответить на ваш первый вопрос — о смысле понятия “советский философ” как я его вижу. На мой взгляд, конечно, были философски одаренные люди, которые одновременно были коммунистами и марксистами. Они жили в советское время, в Советском Союзе, являлись членами КПСС и были сознательными сторонниками коммунистической идеологии. Ну так как их еще назвать, учитывая, что у коммунистической идеологии был философский базис, который они разделяли? Философия разнообразна. Есть философия христианская, есть атеистическая, есть восточная. Почему мы должны стесняться терминов “коммунистическая философия” и “советская философия”? Что было, то было.

С.Н. Корсаков: Можно взять любого советского философа и “разделить” его на философа и идеолога. В ком-то идеолог занимает 100%, а в ком-то 100% занимает философ. Но коллега не учитывает, что можно взять человека, который является философом на 100% — я думаю, что это Ильенков, никто с этим спорить не будет, — и поскольку он разделяет некую совокупность идей, то тем самым окажется, что он — человек идеологизированный. Но идеологом он при этом не будет.

А что касается второго тезиса, то я сегодня рассказывал о махистах, о Бермане. Это определенная линия в рамках марксизма, которая исходит именно из того, что Маркс отбросил философию и конструировал позитивную науку об обществе и природе. Я придерживаюсь другой позиции — той, которая была выражена Плехановым и Лениным. Просто вы продолжаете определенную линию. Она живет.

Из зала: У меня два вопроса. Первый. Со времен расцвета русской религиозной философии прошло, допустим, лет 100, но до сих пор эти философы и их тексты вызывают интерес, издаются, интерпретируются, участвуют в интеллектуальной жизни. Как вы думаете, что останется из вот этой советской философии, которую Вы так хорошо знаете, в ближайшие двадцать лет? Какие темы, тексты не останутся достоянием одних лишь историков философии, а будут востребованы философами, интеллектуалами того времени, разрабатывающими актуальные проблемы?? И второй вопрос. Между дореволюционной философией и советской философией есть разрыв. А вот между советской и постсоветской российской философией есть какая-то преемственность или тоже разрыв? И что может быть актуальным? Какие темы, какие направления?

Ю.В. Пуцаев: Я бы попробовал ответить на первый вопрос. Мне, честно говоря, кажется, что советская философия будет больше представлять интерес для истории. Может быть, не только для историков философии, а вообще для историков культуры, историков общественной мысли в широком смысле и историков интеллектуальной культуры.

На мой взгляд, советская философия вряд ли получит в будущем серьезное реальное творческое продолжение. Слишком тесно она была завязана на советский государственный строй и на определенное политическое мировоззрение, за которыми, правда, стояла своя метафизика, свое специфическое понимание того, что такое бытие, что такое истина, и что такое человек. Но советская философия, ее история очень поучительны, из них можно извлечь важные уроки. В этом смысле, я считаю, ее изучение будет представлять интерес.

С.Н. Корсаков: Здесь разные ситуации: русская религиозная философия попала сегодня в политический мейнстрим и оказалась востребована независимо от ее качества. А мне в моей работе по истории советской философии приходится постоянно биться головой об стену. Это не мейнстрим. Ожидать, что сейчас пойдет волна интереса к этому, я не могу. Другое дело, что возможно вызвать интерес у интеллектуалов к тем или иным текстам или персоналиям. С моей точки зрения, наиболее интересное, что было в советской философии, — это линия на разработку диалектической логики. Это мое личное мнение, с которым, я думаю, многие не будут согласны.

А насчет преемственности между советской и постсоветской философией, — я вообще считаю, что, например, неслу-

чайно на рубеже 80-х—90-х годов возник столь сильный интерес к “Вехам” — понадобился пример такой вот воинствующей смены взглядов. Причем такой смены, за которую не только не было бы стыдно, но можно было бы ею гордиться. И вот сюда попала и русская религиозная философия — как подпитка такой пертурбации в сознании.

И не с точки зрения идейной приемлемости надо подходить к вопросу о советской и постсоветской философии, а с точки зрения уровня и качества философских исследований. Вот это было и унаследовано, и расширено. С моей точки зрения, современная философия как она представлена в нашем Институте — это очень высокий уровень философских исследований. С середины 50-х годов он шел только в гору, и спадов здесь не было. А идеологическое наполнение менялось, могло быть разным.

Из зала: Исследовали ли вы как часто употреблялись в советской философии понятия “диалектический материализм” и “материалистическая диалектика” — это ведь не одно и то же?

С.Н. Корсаков: Я вам одним штришком отвечу. Мао Цзедун свою философскую премудрость почерпнул из книжки Айзенберга и нескольких других ленинградских советских философов, которых потом всех расстреляли. Мне приходилось беседовать с аспиранткой из Китая. Назовешь ей фамилию Айзенберг — она кивает, улыбается и говорит: “Азейбао, Айзенбао”. А спроси сейчас у кого-нибудь из наших философов, в том числе и петербургских, знают они такого Айзенберга? А это был декан философского факультета ЛИФЛИ. Так вот, они первое издание в 1931 году выпустили под названием “Диалектический материализм”, а в 1932 году была уже “Материалистическая диалектика”. А тексты те же.

Из зала: У меня два вопроса или замечания о том, что отличает советскую философию. Первое — такого количества людей, работавших как философы, не было нигде. В каждом учебном заведении кафедра философии, философия преподавалась всем студентам всех специальностей. Из любой специальности человек мог поступать в философскую аспирантуру. Вторая особенность — это вариативность региональная, национальная и даже международная. Появились проекты своих локальных, региональных, национальных философий на языках, которые до этого в философии никак не были представлены. Можно ли считать то и другое наследием советской философии, которое и сегодня сохраняется в нашей действительности?

С.Н. Корсаков: Разрешите, я отвечу на этот вопрос. Действительно вы в точку попали. Именно этим я сейчас и занимаюсь. У меня сейчас в работе проект Биобиблиографического словаря советских философов, который я за несколько лет хочу сделать. Получается около 1400 персоналий — тех, кто активно проявил себя в философии с середины 1920-х по середину

1950-х гг. Это не то, что Петр Васильевич Алексеев делал на основе некрологов или анкет. Я хочу это сделать на основе архивного материала. Когда я обратился к этой задаче, то, конечно, вначале работал с персоналиями из Института философии, с философского факультета МГУ, а потом понял, что нельзя так подходить. Если мы берем реальную философскую жизнь, общение философов, то мы должны брать весь комплекс участников этого общения, а не выборочно заниматься только теми, кто как-то где-то почему-то остался. А коли так, то нужно задействовать весь этот региональный срез. Я попытался поднять биографии заведующих кафедрами провинциальных вузов. Между прочим, зав. кафедрой философии вуза — это номенклатурная должность, которая до 1956 года утверждалась в ЦК партии. И человек, который на эту должность поступал, заполнял соответствующие анкеты и документы, которые шли в ЦК КПСС и дальше хранились в Центральном партийном архиве. С 1956 года, после XX съезда, эта должность перестала входить в номенклатуру ЦК. Но все равно это назначение обсуждалось, регулировалось, утверждалось на региональном уровне.

Что касается национальных кадров, то, действительно, мы все, кто жил в это время, это помним, это очень хорошо видно через систему воспроизводства кадров, через систему образования. А вот выстраивание институций шло следом, потому что поначалу кадров не было. Когда примерно создавались эти институты философии в национальных республиках? Это вторая половина 40-х — первая половина 50-х годов, где раньше, где позже. И там они, действительно, искали каких-то своих мыслителей и как-то находили у них философские идеи. Кстати, М.А. Маслин¹ напрасно иронизирует по этому поводу: то же самое делала его кафедра в отношении русских авторов. Везде это было в отношении любых национальных традиций.

Что касается повсеместного преподавания философии, — в этом — положительная сторона советской философии. Человек, занимающийся любой профессиональной деятельностью, должен иметь общее мировоззрение, общие мировоззренческие взгляды, с которыми надо работать. Почему-то думают, что на велосипеде нужно учиться кататься, а вот учиться мыслить и формировать мировоззрение не обязательно — оно само сформируется. Вот в советское время и занимались этим профессионально, и слава Богу, что эти кафедры везде пока сохранились в том или ином виде.

Ю.В. Синеокая: Коллеги, большое спасибо за активное и заинтересованное обсуждение.

*Фотографии Е.С. Марчуковой,
фотоматериалы из архива Ю.В. Синеокой*

¹ Маслин М.А. Место кафедры истории русской философии в российском философском сообществе // Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. М., 2015. С. 43.